

КЭРОЛ ДЖОНСТОН

ЧЕРНЫЙ
ЧЕРНЫЙ
ДОМ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.6
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Carole Johnstone

THE BLACKHOUSE

Copyright © by Carole Johnstone 2023

Джонстон, Кэрол.
Д42 Черный-черный дом / Кэрол Джонстон ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Ток. Триллер за гранью реальности).

ISBN 978-5-04-197634-7

Вся жизнь Мэгги Маккей – сплошное проклятие. Девушка не может избавиться от ощущения, что с ней что-то не так. Что она – кто-то другой...

Когда ей было пять лет, Мэгги внезапно объявила, что на отдаленном шотландском острове Килмери – на котором она никогда не была – убит мужчина. И что теперь она – это он. Сенсационное заявление маленькой девочки привлекло внимание СМИ. Полиция начала расследование, которое так ничем и не закончилось, – тело погибшего не нашли. И немудрено – в ту ночь остров накрыло чудовищным штормом...

Теперь, почти двадцать лет спустя, Мэгги приезжает на Килмери, твердо решив выяснить, что там произошло на самом деле...

УДК 821.111-312.6
ББК 84(4Вел)-44

© Смирнова М.В., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197634-7

Посвящается Иэну

Человек выбирает зло не потому, что это зло; он ошибочно принимает его за счастье, которое ищет.

Мэри

Уолстонкрафт Шелли

Шепчу ее имя;
Она — это остров,
Где овцы пасутся и камни лежат.
Атлантику буйную к двери своей
Она призывает.

Ширли Райт

«Нэ Херэй/Остров Харрис»

Пролог

Отчетливее всего ему запомнились не крики, пусть они и долетали до берега вместе с воем яростного ветра и в течение многих часов отражались от высоких скал над пляжем. Не шторм и не ревущие, пенящиеся волны, которые проделывали огромные извилистые ходы в мокром песке и вырывали опору у него из-под ног.

Не темнота и не трепещущий свет факелов. Не те полные отчаяния часы, когда люди сталкивали в бурный прибой лодки: моторные, рыбацкие, даже старые деревянные *скоу*¹. Все эти лодки были разбиты о высокие мысы залива или выброшены на берег, словно камни из рогатки.

И не протяжные, усталые причитания женщин, чьи силуэты маячили на выступе скалы, выделяясь на фоне усеянного серебристыми звездами неба над материком. И не взмахи белых рук возле камней, становившиеся все медленнее и реже по мере того, как стихал хор криков. И дело было не в том, что он гадал, какие из этих машущих рук, какая из этих голов, качавшихся на волнах, исчезая и появляясь вновь, принадлежат его отцу.

И даже не жуткая тишина, наступившая после этого. Когда иссякли силы, горе и надежда. Когда иссякли ветер, дождь, гром и море.

¹ Скоу (sgoth) — ялик (*гэльск.*).

КЭРОЛ ДЖОНСТОН

Это был приливной колокол на скалах. Его низкий, тяжелый звон становился все глуше под тяжестью воды и времени.

И черная башня, отбрасывающая незримую тень на песок, на залив и на утихающие волны.

Именно это *всегда* вспоминалось ему отчетливее всего. Иногда это было единственное, о чем он мог думать.

Приливной колокол. И черная башня.

И осознание того, что никто из людей, оказавшихся на этих камнях, никогда не вернется. Из-за него.

Из-за того, что он пожелал. Из-за того, что он сделал.

Глава 1

Четверг, 14 февраля 2019 года

Может быть, все будет хорошо. Может быть, я просто слишком привыкла к тому, что все *никогда* не бывает хорошо. Не исключено, что и так. Может быть, злой, леденящий страх, живущий у меня внутри последние три месяца, — не столько дурное предзнаменование, сколько давний балласт, ставший слишком привычным. *Может быть.*

В пабе много народу. Он забит до отказа. И здесь шумно. Намного больше народу и шума, чем я ожидала; это усиливает мое ощущение тревоги и еще сильнее выводит из равновесия.

— По крайней мере, вы пропустили интересную ежемесячную встречу, — с улыбкой говорит Джаз.

С тех пор как он встретил меня на паромном причале Сторноуэя («Вы, должно быть, Мэгги, а я Эджаз Махмуд — Джаз. Добро пожаловать на остров Льюис-и-Харрис!»), высокий и стройный, с круглым лицом, аккуратной узкой бородкой, мягким шотландским акцентом и широкой улыбкой, он относился ко мне не как к знакомке, а как к давней приятельнице. На протяжении всей последующей сорокамильной поездки на машине Джаз вел нескончаемую беседу, которая сначала нервировала, а потом стала приятным развлечением. «Вообще-то здесь довольно большая пакистанская община — это обычно удивляет людей. Келли говорит, что вы с юга? Я тоже из Англии, из Берика, но лучше не упоминать об этом — ду-

маю, что мне это пока сходит с рук. Говорят, вы не знаете, как долго пробудете здесь? Самое лучшее в этом месте — оно становится домом для всех, кто этого хочет... пока они этого хотят».

Мы ехали на юг по прибрежной дороге, где изредка встречались деревушки — белые домики с двойными мансардами и шиферными крышами, — а затем на запад по плоской пустынной низменности; ее вид в золотистых сумерках заставил меня задрожать, а наш «Рейнджровер» покачивался под порывами свистящего ветра. Далее — тесные лабиринты отвесных скальных стен, а затем — череда зеленых холмов и гладких озер; болота с пламенеющим вереском и мхом, обрамленные высокими скалистыми горами.

И с каждым поворотом — с широкого шоссе на узкую трассу, а затем на почти ненаезженный однополосный проселок, вдоль которого виднелись редкие строения, — я все больше и больше ощущала удаленность от суеты Сторноуэя, не говоря уже о Лондоне. Именно тогда тяжесть в желудке начала усиливаться. Еще до того, как мы достигли западного побережья и я услышала рев Атлантики. Еще до того, как мы пересекли последнее озеро и протряслись по скотопрогонной решетке, а затем по дамбе через узкий пролив. Еще до того, как последние лучи солнца осветили на другом берегу щит с приветственной надписью:

Fàilte gu Eilean Cill Maraigh
Добро пожаловать на остров Килмери

Мои зубы начали стучать еще тогда, когда Джаз гнал машину на запад по единственной дороге. Прочь от огней Урбоста на юго-восточном побережье — поселения с населением шестьдесят шесть человек, — в сторону второй деревни на этом острове, размер которого составлял две с половиной на полторы мили. Эта деревня была древнее и меньше, она находилась на открытом всем ветрам

мысу под названием Лонггесс, и ее население насчитывало менее двадцати человек. Блармор... Мурашки побежали у меня по телу, когда мы свернули на единственную улицу и Джаз наконец остановил автомобиль возле паба — длинного и белого, с черными карнизами, увешанными гирляндами. В его ярко освещенных окнах маячило слишком много людей. Белая вывеска в быстро угасающем свете казалась серой: AM BLÀR MÒR¹.

— «Блар» — значит «битва», «мор» — «большая». Больше никто ничего не знает, но таковы уж эти острова. Тайна — мать заблуждений. — Джаз усмехнулся, не замечая ни моих стучащих зубов, ни тяжести у меня в желудке, ни моего внезапного и отчаянного желания сказать: «Я знаю. Потому что я не просто бывала здесь раньше, мне всю жизнь снились кошмары об этом месте».

И тогда я перестала пытаться отвлечься на то небольшое, что знала об острове — на его географическое положение и численность населения, — и стала убеждать себя: может быть, все будет хорошо. Может быть, никто меня не вспомнит. Может быть, я смогу сделать то, для чего я здесь, так, чтобы они не узнали. Но и тогда я ни на секунду не поверила в это.

Переполненный зал бара — это уютное помещение с огромным открытым камином, красными стенами, столами из темного дерева и мягкими табуретами. Я чувствую усталость и беспокойство, оглядываясь по сторонам и стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Джаз толкает меня локтем, заставляя вздрогнуть. Он кивает в сторону большой группы людей на другом конце комнаты. Большинство из них — молодые люди, столы вокруг них заставлены полупустыми стаканами и завалены хрустящими пакетами с чипсами.

— Археологи из университета Глазго, — говорит он. — Я был таким много лет назад. Приехал студентом рабо-

¹ Читается как «АМ БЛАР МОР» (гэльск.).

тать на захоронении Клух-Ду недалеко от Западного Мыса. Должен был провести там всего полгода, а вот до сих пор здесь... — Он смеется, качает головой. — Они снова открывают раскопки. Так что вы не единственная новенькая. — Еще одна ухмылка. — Почему бы вам не выпить, пока я схожу за Келли? Она сейчас наверху, в своей квартире.

Я не хочу выпивки. После трех железнодорожных переездов, задержки рейса из Станстеда, одиннадцатичасовой поездки на автобусе из Глазго и переправы на пароме из Уллапула я так устала, что мне кажется, будто я могла бы уснуть стоя. Выпивка, не говоря уже об общении, кажется мне совершенно непосильной задачей.

— Спасибо, что подвезли меня, это было очень любезно с вашей стороны.

— Не стоит благодарности. А то таксист содрал бы с вас три шкуры.

Он улыбается мне в последний раз и направляется к двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА». Я неохотно оглядываюсь по сторонам. У барной стойки относительно пусто. В другом ее конце на табуретах сидят двое мужчин в рыбацкой экипировке — желтые нагрудники и брюки с лямками поверх терموжилетов и защитных ботинок.

— Здравствуйте, я Джиллиан Маккензи, — произносит женщина за стойкой. Лицо у нее загорелое и веснушчатое, улыбка теплая, акцент местный, но, возможно, со слабыми следами какого-то другого. Она заправляет за уши длинные темно-русые волосы, припорошенные сединой, и протягивает руку для рукопожатия. — А вы, должно быть, Мэгги.

— Откуда...

— О, про вас все знают. — Бармен поворачивается от ряда бочонков на другом конце бара. Пока не вижу его непринужденной улыбки, я воспринимаю его слова буквально, и мое сердце на мгновение ускоряет темп. Как то-

гда, когда Джаз спросил меня, бывала ли я раньше на островах, и я сделала слишком длинную паузу, прежде чем покачать головой.

Бармен ставит два виски перед рыбаками и снова поворачивается ко мне. Он невысокий и худощавый, глаза у него на удивление темно-карие.

— Вы — первый клиент Келли. Когда она получила ваше письмо, то танцевала по этому залу, словно цапля в брачный сезон.

— Мой муж, Брюс, — представляет его Джиллиан. — Не обращайтесь на него внимания. В любом случае, что я могу вам предложить? Первая выпивка — за счет заведения. Мы делаем клубничный дайкири и розовый джинс с тоником в честь Дня святого Валентина. — Она делает небольшую паузу, а затем наклоняется ко мне: — Вы в порядке?

«Нет, — хочу резко ответить я. — У меня только что умерла мама». Это похоже на очень специфическую и внезапную форму синдрома Туретта. Я продержалась меньше десяти минут в самолете в Станстеде, прежде чем сказала это бедной женщине, сидевшей рядом со мной, и наслаждалась ее сочувствием всю дорогу до Глазго. Наверное, она думала, что моя мама действительно *только что* умерла. Три месяца назад — это не «только что», даже если кажется, будто это именно так. И как бы мне ни хотелось, чтобы это было оправданием для моего состояния, но то, что мамы больше нет, не может быть причиной той тяжести в животе, тех кошмаров, от которых я не могу избавиться, всех этих «может-быть-все-будет-хорошо». Это не причина того, что менее чем через две недели после выписки из больницы Модсли¹ я преодолела семьсот миль до этого места — этой деревни — в глуши. Даже если мне легче притворяться, что это так.

¹ Больница Модсли — психиатрическая клиника в пригороде Лондона.

— Извините. Я просто устала, — отвечаю. И пытаюсь улыбнуться. — Можно мне белого вина, пожалуйста? Любого, какое у вас есть. И спасибо.

Я притворяюсь, будто меня интересуют фотографии, почти вплотную друг к другу развешанные на красной стене рядом с барной стойкой, пока Джиллиан достает из холодильника бутылку «Пино гриджио» и наливает. Некоторые фотографии вставлены в рамки, некоторые заламинированы: цветные, сепия, черно-белые пейзажи моря, скал и пляжей, портреты мужчин, женщин и детей. Над ними — вырезанный из коряги кусок лакированного дерева с написанными черной краской словами: «Овца всю жизнь будет бояться волка, а потом ее съест пастух».

— Веселенькое высказывание, — улыбается Джиллиан, протягивая мне вино. — Но оно было здесь еще до меня, как и большинство этих фотографий. Многие из тех, кто на них изображен, сегодня сидят здесь.

— Мэгги!

Я узнаю слегка щербатую улыбку и гладкую каштановую стрижку Келли по ее фотографии в интернете. Она обходит стойку бара, обнимает меня за плечи и крепко сжимает.

— Я так рада, что вы здесь. — Отпускает меня, чтобы еще раз широко улыбнуться и снова обнять. — Я уже начала думать, что ваше письмо мне померещилось... Как прошло ваше путешествие? Наверняка ужасно. Пожалуй, проще добраться до Северного полюса... Джиллиан, можно мне как обычно?

Келли забирается на табурет рядом со мной и поворачивается лицом к залу.

— А, я пропустила ежемесячное общее нытье, — отмечает она. — Какая досада... Жаловаться — это для некоторых постоянная работа. — Она протягивает барменше банкноту в пять фунтов, в то время как Джиллиан ставит на барную стойку еще один большой бокал вина. — Спасибо. — Келли смотрит на меня и подмигивает. — Итак...

Не хотели бы вы получить краткую информацию об этих замечательных и милых людях, раз уж собираетесь жить среди них в обозримом будущем?

— Конечно.

— Хорошо. — Келли опирается локтями о барную стойку, скрещивает ноги и указывает на четырех мужчин, сидящих за маленьким столиком. — Дрочер, дрочер, хороший парень, дрочер.

Когда я начинаю смеяться, она сжимает мое плечо.

— О, слава богу... Наконец-то кто-то понял мои шутки. Пожалуйста, скажите, что вам меньше тридцати лет! Это, наверное, очень грубый вопрос. Я имею в виду, что вы выглядите моложе тридцати, очевидно. Просто у здешних людей есть привычка уезжать, как только они заканчивают школу, и возвращаться только тогда, когда они уже готовы получать свою пенсию. Лично я за нашествие студентов-археологов.

Я снова смеюсь. Келли в точности такая, какой я ее себе представляла.

— Мне почти двадцать пять, — отвечаю я. — А вы не уезжали отсюда?

— Мама с папой переехали на Норт-Уист, когда мне было три года, так что до сих пор я здесь и не жила по-настоящему. Большинство людей сегодня приехали из Урбоста на собрание, а летом всегда прибывают туристы. Но постоянное население Блармора составляет около семнадцати человек. Всего семь человек моложе тридцати — и трое из них моложе десяти. Включая моего пятилетнего сына.

— У вас есть сын?

— Фрейзер. — Она снова улыбается. — Отчасти из-за него я и оказалась здесь. Я уехала с островов, когда мне было восемнадцать, и встретила его отца в Глазго. У нас произошел довольно неприятный разрыв чуть больше трех лет назад. — Тень, пробежавшая по ее лицу, настолько коротка, что я почти не замечаю ее. — Это очень